

родов, т. е. род и имя и лица независимы, в то время как в суффиксальных классах с именами собственными лиц сочетается только класс деятелей и инструментов (с показателями типа русск. -тель и т. д.). Этот же класс имеет определенную тенденцию к роли субъекта в предложении, а во многих языках и к роли грамматического подлежащего¹⁸.

Предварительное резюме, по-видимому, может быть следующим. Первичным аппаратом номинативной функции является в каждом языке та именная классификация, которая в этом языке наиболее непосредственно отражает в ситуации говорения (в высказывании) основное семантическое противопоставление «человек» — «не человек, вещь». В языках активного строя — это деление имен на «активный» и «неактивный» классы с соответствующим делением глаголов. В языках банту — это префиксальные классы (известные 23 класса). В индоевропейских языках — это суффиксальные классы, а в реконструируемый период — классы основ. Например, реконструируемое *ped- «нога» принадлежит «активному, или одушевленному» классу, в то время как *pedo- «след ноги» — классу «неактивному, или неодушевленному». Грамматические роды в индоевропейских языках и в банту возникают, по-видимому, на основе этих классов. С общепсихологической точки зрения можно поэтому предположить такую линию развития: «активные — неактивные классы» → «суффиксальные — префиксальные классы» → «грамматические роды». Категория «одушевленности — неодушевленности» является, вероятно, постоянно регенерирующейся и служит всегда, в той или иной форме, переходным звеном от одной именной классификации к другой.

Первичный формальный аппарат синтаксической функции при попытке выделить его в чистом виде вызывает более значительные трудности. На первый взгляд кажется, что его естественнее всего связать с так называемыми синтаксическими знаками, т. е. знаками языка, объектами которых являются не предметы внешнего, внеязыкового мира, а другие знаки языка. Эти явления многократно описывались под различными названиями (синтаксические знаки; грамматические знаки; знаки с внутриязыковым значением; операторы, и т. п.). К ним относят, например, относительные местоимения и наречия; аффиксы с реляционным значением; расположение элементов, в частном случае, порядок слов, и другие. Нетрудно видеть, однако, что полное определение этих элементов совмещает два более простых определения: с одной стороны, такие знаки являются у н и в е р с а л ь н ы м и в указанном выше смысле, так как они обязательно имеются в том или ином наборе в каждом языковом произведении и, следовательно, в полном смысле слова «приложимы ко всему»; с другой стороны, это определение существенно ограничивается другим — они приложимы ко всему тому, что предварительно получило обозначение в языке, именно поэтому они и являются знаками с внутриязыковым денотатом. Таким образом, это универсальные знаки с внутриязыковым денотатом. Первичную же синтаксическую функцию нужно искать в элементах с более простым определением и, следовательно, с более простым основанием.

Таким явлением мы считаем категорию элементарной синтагматической связи. Ее сущность заключается в том, что две языковые единицы связываются благодаря простому контактному расположению в речевой цепи. В зависимости от некоторых дополнительных признаков эта категория может быть подразделена на разряды, или виды. (а) Вообще говоря, к ней может быть отнесено всякое контактное сочетание морфем в единице более высокого яруса, как например, *дом-ом*. Но поскольку соположенные морфемы, как правило, отличаются друг от друга, то к категории связи здесь присоединяется категория контраста.

¹⁸ Типологию и детали см. Степанов Ю. С. Подлежащее в старых романских языках. Вестн. МГУ, 1961, № 4, стр. 30—40.